

— Кхм, — Ян Цзо наконец не выдержал, глядя на эти неловкие мучения. — Генерал, вы сроду ни за кем не ухаживали. Если так его тащить, парню станет только хуже.

Услышав замечание помощника, Фань Ло замер и обернулся, вскинув брови в немом вопросе.

Встретив этот холодный взгляд, Ян Цзо лишь вздохнул. Он подошел ближе и принялся поправлять положение Ли Цюаня, показывая всё на себе.

— Вот так, господин генерал. Одну руку под плечи, другую — под колени... Да, навалитесь всем телом, чтобы хватка была верной. Человек ведь не вещь, не щенок подзаборный — нельзя его как мешок с костями таскать.

Ян Цзо чувствовал себя наставником, обучающим нескладную куклу. Он показывал всё так дотошно, словно перед ним был новобранец на плацу, а не прославленный полководец. Генерал слушал на удивление внимательно и послушно позволял перехватывать руки, в которых беспокойно ворочался хмельной солдат.

Спустя мгновение, когда Ян Цзо отступил, Ли Цюань уже уютно уткнулся лицом в широкое плечо генерала. Руки бедолаги безвольно скрестились на животе, а сам он, свернувшись калачиком, затих в надежных объятиях. Он блаженно улыбнулся — наконец-то ему стало удобно. Прошло всего несколько мгновений, и послышалось тихое, мерное сопение.

Фань Ло замер, с любопытством разглядывая свою ношу. Он чуть крепче прижал солдата к себе, и тот, словно в ответ, съежился еще сильнее, превратившись в послушный теплый комок.

Генерал наконец немного смягчился. Развернувшись, он направился к своей палатке.

— Генерал, — негромко окликнул его Ян Цзо, едва сдерживая улыбку. — Почему именно он?

Почему среди сотен воинов выбор пал именно на этого невзрачного паренька? Он искренне не понимал этого.

Фань Ло на мгновение замедлил шаг. В неверном лунном свете выражение его лица нельзя было разобрать. Прошло немало времени, прежде чем генерал, которого помощник уже мысленно окрестил ледяным изваянием, соизволил ответить.

— Не знаю.

Коротко и ясно — в его привычном стиле.

Фань Ло никогда не лгал: если знал — говорил, если нет — не таился.

Ян Цзо промолчал, не желая больше тревожить командира. Он лишь молча смотрел вслед человеку, который никогда в жизни не снисходил до заботы о ком-то, а теперь бережно, хоть и немного неуклюже, нес рядового солдата к лагерю.

Переведя взгляд на Вэй Ю, который в это время обнимал чайную чашку и бормотал что-то про добавку вина, он горько усмехнулся. Он снял плащ, свернул его и подложил под голову товарищу.

— Ну и горе вы луковое... — покачал он головой. — Что же вы будете делать, если в один прекрасный день я вас покину?

Ян Цзо печально улыбнулся. И впрямь: что станется с холодным генералом и прямодушным Вэй Ю, если его самого не окажется рядом?..

Вернувшись в шатер, Фань Ло привычным движением опустил Ли Цюаня на ложе. Он на мгновение позабыл, что находится в военном лагере, а не в своем поместье — здесь не было пышных перин и мягких одеял.

Его такие мелочи не заботили, а Ли Цюань и вовсе был не в том состоянии, чтобы привередничать. Привыкший к тяготам службы, он даже не проснулся бы от жесткого хлопка о доски, если бы не хмель.

От удара по суставам хмельной сон на миг отступил. Ли Цюань глухо охнул и приоткрыл глаза.

Старое вино «Взгляд на Северо-Запад» недаром славилось своей крепостью: веки-то поднялись, да вот разум остался в тумане. В полумраке перед ним предстал образ, который пьяный рассудок тут же окрестил небесной девой.

Ли Цюань вмиг обмяк. Он расплылся в глупой улыбке и, подражая манерам военного советника Фана, попытался втереться головой в грудь «красавицы».

— Хе-хе... Красавица, а красавица, звать-то тебя как?

Фань Ло, присевший на край кровати, чтобы лечь самому, замер. Перед ним было раскрасневшееся от вина лицо с блестящими глазами, превратившимися в два узких полумесяца.

Солдат плотоядно ухмыльнулся, как обычно ухмыляются рыночные забулдыги, заметившие лакомый кусок.

Ли Цюань и впрямь шумно втянул слюну. Его вороватые руки бесцеремонно обвили талию генерала, а сам он, словно преданный пёс, принялся тереться головой о его грудь.

— Красавица... — не унимался пьяный. — Что ж ты в талии-то такая широкая? Да и грудь... плосковата... Ну да ладно, я не привередливый...

Одежда на плече Фань Ло сбилась, обнажив часть спины. Кожа Ли Цюаня, даже там, где её не палило солнце, не отличалась белизной — грубая, обветренная. Но в неверном свете свечи она словно подернулась маслянистым блеском и казалась... удивительно притягательной.

— Красавица, чего молчишь-то? Коли имени не скажешь, как же мне тебя в жены звать?

— В жены? — Фань Ло впервые за долгое время растерялся, глядя на этого наглого мальчишку.

— Ну да! — Ли Цюань прищурился и глупо хихикнул. — Зови меня Эр Гоуцзы. Это имя только для тех, кто мне дорог... Вот! Я на тебе женюсь! Как только жалованье скоплю, пришлю за тобой паланкин с восемью носильщиками, найму лучшую сваху в деревне... И накрою тебя самым алым платком! Моя будешь!

Хоть он и был в стельку пьян, Ли Цюань не отрывал взгляда от лица генерала, словно не мог им насытиться.

Фань Ло долго хранил молчание, но затем медленно и торжественно кивнул:

— Хорошо. Бери меня в жены. Я — Фань Ло.

— Фань Ло... — Ли Цюань запнулся. — Имя-то... имя знакомое... Нет! Красивое имя!

Он часто слышал от сестры, что красавиц нужно хвалить — только тогда они ответят взаимностью. Поэтому, едва не ляпнув лишнего, он тут же исправился.

Но сон всё же взял свое. Ли Цюань в последний раз коснулся ладонью безупречного лица «девы» и обреченно вздохнул:

— Какая же ты красавица... Проснусь — и след простынет, да? Хе-хе... Взаправду, лучше уж не просыпаться...

С этими словами он, блаженно улыбаясь, окончательно провалился в сон в объятиях генерала.

Фань Ло коснулся затылка солдата. Волосы Ли Цюаня были жесткими, иссушенными ветром и солнцем. К тому же, в походах их подстригали как придется, отчего они торчали в разные стороны клочьями.

Генерал на мгновение замер. Его собственные иссиня-черные пряди шелковым водопадом соскользнули на спящего, укрывая их обоих подобно ночному облаку. Даже в тусклом свете свечи его волосы отливали благородным блеском.

Он нахмурился. Он никогда не любил свои длинные волосы по одной простой причине: они ему мешали.

Если бы не столичные слуги, готовые часами ухаживать за его прической, он бы давно отсек их одним ударом меча.

К тому же, глядя на эту черную шелковистую массу, он неизбежно вспоминал другую тень. Свою мать — сестру покойного императора, принцессу Аньян.

В Великой Цзинь её величали первой красавицей, «сокровищем двора». О её лице, способном затмить любые цветы, слагали легенды.

Но для него всё это было лишь пустой оболочкой. Мать казалась ему не живым человеком, а холодной глиняной статуей на алтаре — безупречной и безжизненной.

В детстве, среди богатых даров от дяди-императора, ему приглянулся один. Стекланный заяц, подношение Западных варваров, закаленный в огне высокогорных горнов. Крохотный, прозрачный зверёк с глазами из алого граната выглядел удивительно трогательно.

Он почему-то выбрал именно его, а все остальные подношения велел унести в сокровищницу.

В перерывах между учением и тренировками он любил поднимать зайца высоко над головой. Сквозь прозрачное стекло синее небо и белые облака расцветали диковинными красками, а стоило чуть повернуть игрушку — и мир заливало алым, золотым и изумрудным светом.

Он мог смотреть так часами.

Учитель донес об этой «слабости» матери — супруге Маркиза, умиряющего дальние земли. Однажды принцесса Аньян явилась к сыну. Она была в расшитых шелках, с высокой прической, украшенной звенящими изумрудами. Каждое её движение было исполнено неземной грации.

Он поднял голову. Мать, как и всегда, держалась надменно, едва достаивая его взглядом. Несколько служанок бережно поддерживали её иссиня-черные волосы, касавшиеся пола.

Лицо матери, так похожее на его собственное, напоминало ледяную маску. Она никогда ему не улыбалась.

— Ло-эр, скажи матери, какой в этом прок? — она указала тонким белым пальцем, нежным, как молодой побег, на стеклянного зайца.

Фань Ло растерялся. Он опустил взгляд и задумался. Это стекло не хранило тепло, как нефрит, и не защищало от злых духов, как золото. Это была лишь... красивая безделушка.

Спустя долгое время он ответил:

— Не знаю.

И тогда его «статуарная» мать улыбнулась.

Она насмешливо и призрачно улыбнулась. В следующую секунду она взмахнула широким рукавом, выбив игрушку из рук сына.

— Бесплезная вещь. Зачем она тебе?

Раздался звон. Стекло разбилось, брызнув искрами, словно упавшая звезда. Осколки, сияя в лучах солнца, рассыпались по серому камню пола.

Фань Ло застыл. Он смотрел вслед уходящей матери, чья фигура казалась неземной и величественной, словно у небожительницы.

Прошло много времени, прежде чем пятилетний мальчик развернулся и вышел, ни разу не взглянув на сверкающие обломки. Он едва заметно шевелил губами:

— Бесплезная вещь...

<http://bllate.org/book/17414/1657357>